

Конкурентность региональных систем безопасности

Оганесян Д.

Введение

Проблема конкурентоспособности различных систем региональной безопасности, предлагавшихся в течение последних 15 лет для ареала, включающего в себя страны, расположенные между и вокруг Черного и Каспийского морей, становится особенно актуальной в свете событий последних двух лет: американская политика «перезагрузки», августовская война с Ю. Осетии, европейская инициатива по Восточному партнерству, новые особенности российско-турецких отношений, подписание армяно-турецких протоколов, пост-электоральные события в Иране и новые реалии в формате переговоров по иранской ядерной программе, актуализация курдской проблемы, в том числе, в связи с новыми инициативами турецкого руководства и т.д.

Понятие «региональная безопасность» описывается следующим образом: «Региональная безопасность — составная часть международной безопасности, характеризующая состояние международных отношений в конкретном регионе мирового сообщества как свободное от военных угроз, экономических опасностей и т.п., а также от вторжений и вмешательств извне, связанных с нанесением ущерба, посягательств на суверенитет и независимость государств региона». И далее: «Региональная безопасность имеет общие черты с безопасностью международной, в то же время отличается множественностью форм проявления, учитывающих особенности конкретных регионов современного мира, конфигурации баланса сил в них, их исторические, культурные, религиозные традиции и т.п.».

Отличается она, во-первых, тем, что процесс поддержания региональной безопасности могут обеспечивать как специально созданные для этого организации (в частности, в Европе - Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе/ОБСЕ/), так и объединения государств более универсального характера (Организация американских государств — ОАГ, Организация африканского единства — ОАЕ, и др.).

Силовая многополярность делает конфигурацию региональной системы безопасности более дифференцированной и эластичной.

Проблема конкурентности моделей региональной безопасности встает, в основном, в том случае, когда в регионе или отсутствует явно доминирующая сила, вокруг которой и строится на данном историческом отрезке система региональной безопасности, естественным образом фиксирующая реальное соотношение сил и страхующая от различного рода искушений и авантур, или же не до конца выяснено это реальное соотношение сил, что

превращает задачу формирования системы региональной безопасности в практически невыполнимую или же - требующую несоразмерно больших ресурсных затрат, что опять-таки, как показывает опыт, заставляет инициаторов отказаться от реализации предложенной модели (по крайней мере, отложить ее реализацию).

С момента возникновения новых независимых государств на месте бывших закавказских республик Советского Союза для формирования региональной системы безопасности предлагались различные модели, недостатки которых сразу же, уже в момент возникновения соответствующего дискурса, становились очевидны. Основным недостаток всех предлагавшихся систем региональной безопасности (российское предложение - 3+1, т.е. Россия + три новые независимые страны, американское предложение - 3+3+2, т.е. Армения, Азербайджан, Грузия + Россия, США, Евросоюз + Иран, Турция, недавняя турецкая инициатива – «региональная пятерка», т.е. Турция, Россия, Азербайджан, Грузия, Армения) заключается в том, что не учитывались реальное соотношение сил и актуальные интересы как включенных в систему государств, так и сил, оставшихся вне ее, в результате чего эти модели не обеспечивали реального уравнивания, изначально вели к возникновению внутренних противоречий и, таким образом, разрыву даже тех системообразующих связей и интересов, которые на момент формулирования дискурса наличествовали.

Новые процессы и возможности

Анализируемая ситуация вкратце может быть охарактеризована следующим образом: субрегион, граничащий с одной великой и двумя региональными державами, являющийся важным узлом транснациональных инфраструктурных связей, что превращает его в зону жизненных интересов супердержавы, а также вызывает все более возрастающий интерес непосредственно не граничащих великих держав, насыщенный этническими конфликтами, обеспечивающими каналы воздействия на него для всех внерегиональных сил, населенный народами, разобщенными в результате этнических конфликтов и противоречий «общей квартиры». К этому следует добавить, что этнические конфликты переведены в стадию контролируемости (естественно, извне), а геополитическая ориентация признанных государств Южного Кавказа – Азербайджана, Армении и Грузии – содержит принципиальные отличия. Результатом является наличие на территории ЮК внерегиональных военных структур, которые, однако, не уравнивают друг друга.

Кроме признанных стран, являющихся членами ООН, других международных организаций, что теоретически должно было бы повысить уровень их

ответственности и подотчетности, в регионе имеются, если можно так сформулировать, недопризнанные (Абхазия и Южная Осетия) и непризнанное государственное образование (Нагорно-Карабахская Республика), а также Нахичеванская автономия, входящая в состав Азербайджана, однако находящаяся под преимущественным контролем Турции.

В рамках заявленной политики «перезагрузки» российско-американских отношений повысилась вероятность достижения соглашений по взаимному ограничению в традиционных зонах влияния (в том числе, на постсоветском пространстве, за исключением балтийских республик), однако в настоящее время инерционно продолжается борьба за реализацию конкурирующих программ.

Сложившаяся ситуация генерирует совершенно различные подходы к системе безопасности, которая могла бы обеспечить интересы как всего региона в целом, так и его отдельных составляющих. Отсюда – принципиально отличающиеся друг от друга, разнонаправленные формулы безопасности («кавказская четверка», евроатлантическая система безопасности и т.д.; несложно заметить, что во всех этих формулах участвуют внерегиональные силы и даже не упоминаются так называемые «непризнанные государства»).

Роль субрегиона, являющегося важнейшей транзитной территорией, соединяющей или разъединяющей эту основную для Евразии коммуникационную систему трех морей, через которую, так или иначе, проходят или должны будут в будущем проходить нефтепроводы, газопроводы, транспортные магистрали, после деактуализации конфликтных узлов и ситуаций на Балканах, особенно после августовской войны, серьезно возросла.

Идеологические принципы турецкого руководства и турецкая инициатива

Именно к этому времени относится инициатива по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», выдвинутая Турцией в ходе визита в Россию премьер-министра этой страны Реджепа Эрдогана 13 августа 2008 г. По мнению турецкого премьера, она «предполагает создание международной организации, которая сфокусирует свои усилия на создании общей безопасности в Кавказском регионе, на сотрудничестве в поставках энергоносителей».

Организация должна включить в себя пять стран региона - Россию, Турцию, Азербайджан, Грузию и Армению. Как считает Эрдоган, такой союз, основанный на принципах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе /ОБСЕ/, смог бы предотвращать любые конфликтные ситуации в регионе.

После переговоров с президентом России Д.Медведевым премьер-министр Турции заявил, что российский президент «выразил заинтересованность в ее осуществлении». Данная инициатива, называемая рядом СМИ «Пактом мира», представляется аналогом ОБСЕ в Кавказском регионе.

Идея создания альянса безопасности стран Кавказского региона имеет почти 10-летнюю историю. В 1999г. ее выдвигал бывший президент Азербайджана Гейдар Алиев на Стамбульском саммите ОБСЕ, в 2000 г - бывший президент Турции Сулейман Демирель. В том же году президент Армении Роберт Кочарян заявил, что “формула безопасности на Кавказе должна действовать по схеме Азербайджан, Армения, Грузия, Россия, Иран и Турция при участии Евросоюза и США в качестве наблюдателей”. После Стамбульского саммита официальный дискурс относительно реализации систем региональной безопасности практически перестал существовать.

Августовская война заставила турецкое правительство вспомнить это предложение, так как через территорию Турции идут огромные энергетические и транспортные потоки, и турецкое руководство серьезно задумалось о тех потерях, которые может понести экономика этой страны от дальнейшей эскалации напряжения в регионе. Кроме того, приехав сразу после войны с Грузией, которой Турция оказывала на протяжении последних 15 лет всемерную поддержку и, в том числе, военно-техническую помощь, в Москву, премьер-министр этой страны, выдвинув вышеуказанную инициативу, по видимому, также пытался несколько дистанцироваться от политики всемерной поддержки Грузии.

Позже, Россия в лице ее президента Д.Медведева, приветствовала эту инициативу по итогам прошедших в Москве 13 февраля 2009 г. переговоров с президентом Турции Абдуллахом Гюлем. Он отметил, что проблемы, стоящие перед Турцией и Россией «остаются, по сути, прежними – это те вызовы, с которыми сталкиваются наши государства, это и международный терроризм, и ряд других региональных проблем... Я считаю, что в результате совместной деятельности мы вполне способны отвечать на такие проблемы». «Наши страны естественно заинтересованы в укреплении безопасности Кавказского региона и в том, чтобы черноморская безопасность была надлежащей и здесь мы полностью солидарны в ряде позиций, которые могут укрепить эту безопасность», - сказал далее Д.Медведев. «В этой связи мы приветствуем и ряд инициатив, с которым обратились наши турецкие коллеги, в частности, имею в виду платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе, мы видим возможность реализации и возможность вести более плотный, иногда неформальный диалог, способствовать решению экономических, транспортных и энергетических проблем региона», - подчеркнул президент России.

«Платформа стабильности и сотрудничества» на момент ее оглашения имела, по крайней мере, четыре серьезных недостатка:

- а) она не учитывала всех негативных последствий исключения из нее Ирана;

- б) она не учитывала степень недоверия Армении к любым турецким инициативам;
- в) она не учитывала политику Азербайджана в отношении любых предложений и проектов, включающих возможное сотрудничество с Арменией;
- г) она не учитывала последствий августовской войны.

Вместе с тем, эта инициатива являлась логическим продолжением одного из внешнеполитических концептов нынешнего руководства страны, обычно характеризуемого внешними наблюдателями как умеренно исламистское – «Ноль проблем с соседями». Этот ясно выраженный в качестве приоритета принцип новой внешней политики Турции достаточно очевидным образом обозначает основную цель руководства страны – стать региональной державой на Балканах, Кавказе, Центральной Азии и Ближнем Востоке и, таким образом, превратиться в глобального игрока, приобрести (или, как уточнил один авторитетный турецкий политик) вернуть статус великой державы.

Недавно министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу подтвердил вышеприведенную мысль, заявив о том, что основная цель турецкой внешней политики в текущем столетии – **это расцвет оттоманских Балкан, как центра мировой политики, с особенным акцентом на том, что Турция несет ответственность за происходящее в этой части света.**

Глава внешнеполитического ведомства заявил, что Турция сделает из Балканского полуострова, Кавказа и Средней Азии оазис турецкого влияния, что позволит этим регионам стать одним из крупнейших центров влияния в международных отношениях.

А.Давутоглу обосновал свое высказывание тем фактом, что в Турции живет больше боснийцев, чем в самой Боснии, больше албанцев, чем в Албании, и больше абхазов и чеченцев, чем в Абхазии и Чечне соответственно.

Как отмечают аналитики, высказывание главы МИД Турции «носит скандальный характер, и на него последует крайне негативная реакция» в упомянутых странах. Что и произошло, так как на Балканах оттоманское иго воспринимается как крайне репрессивное.

Очевидно, что это заявление наносит удар и по российским интересам на Кавказе, Балканах и Ближнем Востоке. И хотя Кремль никак не отреагировал на него, по всей видимости, особенно в свете достижения важных договоренностей в сфере энергетики, означенные цели должны были бы вызвать по крайней мере его раздражение или же недоумение.

Следует отметить, что для более полного и адекватного восприятия политики А.Гюля - Р.Эрдогана следует обратить серьезное внимание и на те проекты, с которыми турецкое руководство выступает в отношении этниче-

ских и конфессиональных меньшинств. Анализ предложений, направленных на урегулирование проблем, связанных, например, с курдским вопросом, показывает, что принципиальной идеологической базой для разработанной концепции является **суннитская концепция уммы** (не следует забывать, что большинство видных представителей правящей партии не только верующие мусульмане, но и члены отличающихся своей политизированностью и разветвленной сетевой системой тарикатов Накшбанди (в основном) и Бекташи)¹.

В умме этнические, родоплеменные связи вторичны, первична лишь религиозная принадлежность, и с этой позиции исчезает курдский вопрос и возникает вполне решаемая проблема включенности суннитов-курдов в жизнь уммы.

Осознание основополагающих принципов турецкого руководства, на которых базируются принятые им решения, позволяет более трезво оценивать его внешнеполитические инициативы и шаги, к которым, в первую очередь относится изменение в проводимой политике в рамках двухсторонних отношений с Израилем, Исламской Республикой Иран, Россией и Арменией.

В октябре 2009 г. Турция отказалась от своего давно запланированного участия в маневрах военно-воздушных сил с Израилем, страной, военное и военно-техническое (а также в области безопасности, взаимодействия секретных служб и пр.) сотрудничество с которой уже много лет являлось одним из приоритетов внешней политики Турции. Это внесло напряженность в отношения, которые были и без того изрядно испорчены, после того как в январе премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган выступил перед лидерами всего мира в швейцарском Давосе с осуждением израильского президента Шимона Переса в связи с военными действиям в секторе Газа.

В конце того же месяца состоялся визит премьер-министра Турции Эрдогана в Тегеран. Турция и Иран подписали меморандум о взаимопонимании по нефтегазовому сектору. Согласно этому документу, Турция получит право продажи 17,5 млрд. кубометров газа в год с крупнейшего месторождения в мире Южный Парс. Эксперты отмечают, что эта договоренность была достигнута с согласия Вашингтона и теперь именно иранский газ будет приоритетной ресурсной базой газопровода Nabucco. Если соглашение будет реализовано, по позициям России на европейском рынке газа может быть нанесен

¹ В настоящее время суфийские тарикаты широко распространены в Турции. Суммарный электорат суфийских орденов в Турции насчитывает, по оценке Ф. Бадерхана, не менее 5 млн. человек. Если учесть традиционно доброжелательное отношение населения Турции к суфиям, то эту цифру необходимо по крайней мере удвоить. В последнее время наблюдается тенденция распространения протурецких суфийских тарикатов, учитывая большое внимание внешней политики Турции к тюркским республикам постсоветской Азии.

серьезный удар. Документ предусматривает также участие Анкары в освоении Южного Парса — крупнейшего газоконденсатного месторождения в мире, которое Иран делит с Катаром.

После подписания этого соглашения иранский газ вышел на первое место в качестве основной ресурсной базы для Nabucco, потеснив туркменский, иракский и азербайджанский. Эксперты отмечают, что на первом этапе реализации проекта для заполнения Nabucco с лихвой хватит того газа, который Турция намерена закупать с Южного Парса. А значит, этот газопровод, призванный создать для ЕС маршрут транспортировки газа из Каспийского региона в обход России, может получить надежную ресурсную базу. В таком случае не исключено, что Nabucco может быть построен даже раньше, чем лоббируемый Москвой альтернативный проект South Stream.

Подписанный документ продолжает собой серию соглашений в самых различных сферах, заключенных между двумя странами. “The Los Angeles Times”, комментируя визит Эрдогана в Тегеран, отмечает, что Иран воодушевился перспективой того, что будет расширять свои связи с ключевой державой на Среднем Востоке². Издание резюмирует: «Турция впервые с Ираном»³.

На самом деле Турция не «впервые с Ираном». Таковую же политику, направленную на сближение не только с Ираном, но и с другими мусульманскими странами, в том числе – с Саудовской Аравией⁴, пытался вести и

² Газета пишет: «И какая же страна-изгой подрывает усилия Запада в предотвращении создания атомного оружия в Иране? Может быть Сирия или Саудовская Аравия? Конечно, это Турция, член НАТО, потенциальный член ЕС, а также самый надежный сторонник США в мусульманском мире»,

³ В этой же статье: «Отношения между Ираном и Турцией вызывают опасения относительно того, что Турция — современная демократическая мусульманская страна, являющаяся мостом между Европой и Арабским миром, поворачивается спиной к Западу, консолидируя Исламский мир Востока. Подобные опасения возможно преувеличены. Маловероятно то, что Турция поставит под угрозу свое сотрудничество с США и Европой, разрывая отношения с Израилем. Другой фактор, это новоприобретенная самоуверенность Турции. Геополитическая и экономическая особенности этой страны делают очевидным тот факт, что она будет важным игроком на мировой дипломатической арене. Флирт с Ираном — путь к подтверждению своей независимости от супердержав. Уже известно, что Эрдоган намерен посетить США в декабре, и Обама, воспользуется этим визитом и “прочтет свою собственную лекцию” — Иран с наличием атомного оружия не входит в интересы Турции. И в этом контексте частые заявления Эрдогана о том, что Тегеран заинтересован исключительно в энергетических программах либо слишком наивны, либо чрезмерно циничны», заключает газета.

⁴ Проблема отношений с Саудовской Аравией и сегодня является одной из наиболее серьезных в реестре первоочередных вопросов турецкой внешней политики. В Эр-Рияде тарикаты рассматриваются в качестве единственной организованной и многочисленной религиозной силы, способной противостоять саудовской идеологической экспансии. Помимо этого, враждебное отношение к суфиям вообще объясняется их тесными связями с Турцией, страной, к которой саудовский королевский дом испытывает традиционное недоверие и презрение.

предшественник и, в каком-то смысле, учитель нынешнего турецкого руководства экс-премьер Эрбакан, однако армейское руководство в тот период быстро положило конец «отходу от принципов кемализма».

Копенгагенские критерии и постепенная их реализация в Турции создали основу для того, чтобы армейское руководство и «дерин девлет» («глубинное государство») утратили значительную часть своего влияния, что позволило нынешнему руководству и лидирующей партии более решительно, но в то же время более гибко реализовывать свои программы⁵.

Изменение ситуации вокруг Ирана

Весьма серьезное влияние на ситуацию оказали события, развернувшиеся после президентских выборов в Иране, когда команда духовного лидера Ирана полностью отстранила президента страны от процесса принятия важнейших политических решений и, в том числе, от переговоров по иранской ядерной программе. Можно отметить, что значительное изменение американского подхода к проблеме переговоров с Ираном и возможный выход на ту же «перезагрузку», уже в сфере отношений с этой страной принципиально меняет соотношение основных сил в регионе.

Высшее иранское руководство лихорадочно ищет выходы из довольно сложной ситуации, в которой оказалась страна и, по мнению авторитетных наблюдателей, действительно готово на серьезные переговоры и реальные компромиссы. Без сомнения, оно будет пытаться разыгрывать все имеющиеся в его руках козыри, как-то: ирано-китайское все более объемное и принципиально актуализируемое сотрудничество, влияние и возможности страны в Ираке и Афганистане, роль и ответственность Ирана в ближневосточных процессах (в основном, в Палестине, Сирии и Ливане), огромные ресурсы нефти и газа, транзитные возможности страны и пр.

Следует отметить, что просочившиеся в СМИ сведения об ирано-израильских переговорах не вызвали особого удивления или недоумения в экспертных кругах, так как, во-первых, это не первые контакты и попытки зондажа, во-вторых, вся ситуация настоятельно подсказывала, что назрела необходимость поиска точек соприкосновения для установления отношений. Конечно, эти переговоры сами по себе указывают на весьма значительную переоценку явлений и процессов со стороны как Ирана, так и Израиля, но еще больше они говорят о тех исходных данных, на основе которых было принято решение об этих контактах, а они свидетельствуют скорее об изме-

⁵ Ситуация сопоставима с выборами. В результате свободных демократических выборов к власти во многих странах приходят самые радикальные силы.

нении общей атмосферы вокруг проблем, связанных с этими государствами, чем о подвижках в расстановке сил.

И в данной ситуации визит турецкого премьера в Тегеран, преследующий сразу очень много целей, оказался очень ко времени для иранского руководства, расширив его возможности для маневра.

Армянские проблемы и возможности

В настоящее время практически все существующие коммуникации построены в обход Армении, за исключением российского и иранского газопроводов, через которые эта страна получает необходимое для нее количество газа.

После августовской войны стало очевидно, что занимаемое Арменией центральное положение в субрегионе имеет достаточно преимуществ уже хотя бы потому, что кратчайшие коммуникации, соединяющие ее соседей, проходят или могли бы проходить по ее территории. Вместе с тем, лишь с двумя из четырех непосредственных соседей страна имеет дипломатические отношения, что в значительной степени определяет политику региональных и внерегиональных сил в отношении Армении.

Армения практически моноэтнична и моноконфессиональна, что в настоящее время несколько уравнивает внутреннюю ситуацию в стране, где существуют принципиальные проблемы между обществом, являющимся довольно открытым, имеющим многочисленные разноуровневые связи с внешним миром и склонным к свободному и соревновательному сотрудничеству, и властью, испытывающей все трудности, связанные с низкой легитимностью и усиливающимся воздействием внешних игроков на внутреннюю ситуацию в стране.

Августовская российско-грузинская война и ее последствия (дестабилизация внутренней ситуации в Грузии, строительство новых российских баз в Абхазии и Южной Осетии, ввод американских военных судов в воды Черного моря, постепенно становящегося, таким образом, внутренним натовским водоемом, потеря Грузией имиджа надежного транзитного коридора, очевидная разница в позициях «старой» и «новой» Европы, актуализация роли Ирана не только как импортера энергоресурсов, но и как транзитного государства и многое другое) еще раз подчеркнули уязвимость нашего региона и актуальность принятия продуманных и сбалансированных мер по созданию и укреплению региональной системы безопасности.

Процессы глобализации подразумевают соединение важнейших мировых инфраструктур в единую глобальную сеть, не имеющую разрывов. Наличие конфликтов, чреватых опасностью войн, препятствует созданию новых

ячеек глобальных инфраструктур и ставит под угрозу беспрепятственную деятельность уже существующих. В этом смысле развитию южно-кавказского региона серьезнейшим образом препятствует не только наличие конфликтов внутри региона, но и напряженность на российско-грузинской и армяно-турецкой границах.

Интрига, связанная с нормализацией армяно-турецких отношений, в целом, развивается в логике «перезагрузки». Вместе с тем, она оказывает серьезное воздействие на характер процессов, происходящих в прилегающих регионах. Нормализация армяно-турецких отношений – одна из важнейших проблем, стоящих не только перед армянской или турецкой дипломатиями, она важна и с точки зрения российских и американских глобальных интересов.

Предполагаемое открытие армяно-турецкой границы и установление дипломатических отношений между этими двумя соседними странами внесет принципиальные изменения в систему взаимоотношений практически всех представленных в Черноморско-Каспийском регионе стран, а также великих держав, имеющих здесь жизненные интересы. Не надо обольщаться и рассчитывать на то, что эти изменения произойдут быстро и гладко, однако, вместе с тем, здесь неминуемо будет складываться новая конфигурация силовых полей, значительно корректирующая наши нынешние представления о действующем балансе влияний. Именно по этой причине противодействие самой перспективе открытия границы со стороны некоторых заинтересованных сил будет возрастать по мере повышения его вероятности. Резкая реакция правительства Азербайджана на возможность открытия границы при всей ее превентивности свидетельствует о действительной важности этого события.

Очевидно, что открытие границы и установление дипломатических отношений с Турцией ставят во главу угла создание необходимых условий для реальной нормализации отношений с этой страной. Это, прежде всего, подписание пакета документов, направленных на создание реальных взаимных гарантий в области безопасности. Следует отметить, что в Армении глубоко укоренилось мнение, что единственной не вызывающей сомнения гарантией со стороны Турции является признание Геноцида. Однако, помимо этого, имеется ряд важных процедур, к совершению которых необходимо быть готовыми уже сейчас (договор о границах, размещение сил вдоль границ, контроль за передвижениями, обмен информацией, оборудование пропускных пунктов и многое другое).

Очевидно, что для достижения своих целей армянская дипломатия должна действовать осторожно и не спеша, анализируя последствия всех своих воз-

можных действий, поскольку обстановка в Черноморско-Каспийском регионе продолжает оставаться весьма нестабильной и взрывоопасной.

Заключение

Регион перенасыщен проблемами и поэтому выход на формирование реально действующей системы безопасности является насущной необходимостью. Одним из чреватых серьезными осложнениями процессов, на сей раз с непредсказуемыми последствиями, является милитаризация стран региона. Все конфликтующие стороны, как это водится, продолжают уверять международное сообщество в своем стремлении к их разрешению путем переговоров, однако накопленное оружие может породить опасные иллюзии, что, в свою очередь, может привести к эскалации насилия.

Однако самыми серьезными проблемами, ставящими под вопрос реальные возможности развития стран региона и вероятность мирного разрешения конфликтов, являются имитация демократии, коррупция, другие факторы, тормозящие процессы *социализации*. Необходимость учета скорости процессов *социализации* при конструировании системы региональной безопасности подчеркивает актуальность проблем, стоящих перед государствами региона.

Очевидно, что наблюдаемые сегодня процессы испытывают на себе влияние российско-китайской и американо-китайской конкуренции. Агрессивность китайской экономики и ее неудержимое наступление на углеводородные ресурсные центры заставляют конкурирующие великие державы перенести свое внимание с чисто энергетической составляющей на конструирование стабильной системы безопасности, естественным образом ограничивающей допуск в регион тех игроков, которые не включены в эту систему.

Данная политика опирается на старую, как мир, формулу баланса и уравнивания, достижимого путем компромиссов, взаимных уступок и постоянного обмена информацией, что естественным образом снимает напряжение с особо серьезных зон противостояния и деактуализирует различного рода контролируемые и латентные конфликты.

Региональная система безопасности может стать реальностью только в том случае, если политика перезагрузки будет успешной и не вызывающей сомнений и опасений, в ином случае события будут развиваться *в прежней логике*.